

Се Юньцинъ перехватила Дин И за запястье, силой удерживая её на месте.

Дин И обвела присутствующих невидящим взглядом. Шея её оцепенела, потеряв всякую подвижность, а в груди зародилось непреодолимое стремление ввысь, к небу.

— Дин И, Дин И, что с тобой?! Не пугай меня так! — Цзоу Пэй в панике затрясла подругу за плечи, пытаясь привести её в чувство.

— Я... — Дин И высоко задрала голову. Капли дождя тяжело падали ей прямо на открытые глаза, но она даже не моргала. — Я дерево. Мне нужно стать деревом.

— Держите её руки! — Чэнь Лицзя рванулась вперёд, бесцеремонно оттолкнув растерявшуюся Цзоу Пэй, и крикнула Се Юньцинъ: — Держи крепче, не отпускай!

Се Юньцинъ отреагировала мгновенно, до боли сжав запястье подруги. Но Дин И, не опуская головы, упрямо тянула одеревенелые руки вверх.

Сила в её конечностях проснулась просто нечеловеческая. Се Юньцинъ вцепилась в неё обеими руками, но тщетно — сопротивляться этому напору было всё равно что пытаться остановить лавину.

— Живее, помогайте держать! — Сунь Юаньнин швырнул рюкзак прямо в грязь и навалился на предплечье Дин И.

Только когда на помощь подросли мужчины, совместными усилиями удалось сдержать её рвущиеся ввысь руки.

Чи Юньян, стиснув плечо Дин И, содрогнулся — под пальцами ощущалась не живая плоть, а сухой, несгибаемый сук. Обычный человек просто физически не мог так задеревенеть.

Они сжимали её кожу мёртвой хваткой, но даже ногти не оставляли на ней ни малейшего следа, словно скользили по плотной коре.

— Ноги... Посмотрите на её ноги! — захлебываясь слезами, вскрикнула Цзоу Пэй, указывая пальцем вниз.

Чи Юньян опустил взгляд. Ноги девушки судорожно прижались друг к другу, слившись в единое целое без малейшего зазора. Сквозь прореху на штанине виднелась плоть — серая, сморщенная, пугающе чуждая.

Цзоу Пэй опустилась на колени и робко коснулась голени подруги, но тут же испуганно отдернула руку:

— Они каменные... Как древесный ствол!

Внезапно Се Юньцинъ почувствовала, что теряет опору под ногами. Её начало отрывать от земли. Дин И, замерев на долю секунды, вновь неумолимо потянула руки вверх, и те налились сокрушительной мощью.

— Чёрт, я больше не могу! — процедил сквозь зубы У Тунсуй. На его лбу вздулись багровые вены.

Удержать её становилось невозможным. Конечности Дин И не просто тянулись к кронам — они удлинялись прямо на глазах, растягиваясь, словно молодые ветви.

Рукава штормовки лопнули, обнажая стремительно раздающиеся в стороны руки. Раскинув их под прямым углом, Дин И буквально подняла в воздух повисших на ней людей. Шестеро человек теперь беспомощно болтались над землей, ухватившись за её живые ветви.

Даже у И Яньле, самого высокого среди них, пятки оторвались от земли.

— Отпускайте её, иначе все тут ляжем! — закричал перепуганный У Тунсуй, с ужасом глядя на уходящую из-под ног землю.

Дин И окончательно теряла человеческий облик. Её тело сковало мёртвым оцепенением, а она уродливо вытянула шею, устремляясь к небу.

На ладонь Се Юньцинъ упала капля — горячая и вязкая, совсем не похожая на холодный дождь. Это была слеза.

— Спас... спаси... те... — сквозь неподвижные, словно склеенные губы Дин И пробился глухой, едва различимый хрип.

— Она умоляет о помощи! Нельзя её бросать! — отчаянно закричал Сунь Юаньнин. — Цзоу Пэй, быстро займи моё место! Чи Юньян, у тебя в рюкзаке оставалась верёвка?

— Да! — кивнул Чи Юньян, болтаясь в полуметре от земли. — Обвяжи ей лодыжки, попробуем повалить!

Цзоу Пэй послушно подпрыгнула вверх, перехватывая уползающую ветку вместо Сунь Юаньнина.

Ступни несчастной к этому моменту намертво вросли в раскисшую почву, пустив невидимые корни. Накинув мёртвую петлю на её лодыжки, Сунь Юаньнин перебросил свободный конец верёвки через толстый сук соседнего дерева.

— Хватайтесь за верёвку! Все вместе! — надрывая связки, взревел он, упираясь ногами в грязь.

— Бесполезно, — ледяным тоном оборвал его И Яньле. — Так мы её не повалим. Скорее просто перережем ей ноги верёвкой.

— И что ты предлагаешь?! — в отчаянии выкрикнул Сунь Юаньнин, не выпуская натянутый канат. — Просто стоять и смотреть, как она превращается в бревно?!

— У неё ноги уже деревянные! — закричала Цзоу Пэй. — Как их можно перерезать?!

И Яньле лишь мрачно молчал. Расстояние до плеч Дин И стремительно увеличивалось — её ветви-руки разрастались во все стороны, унося несчастных всё выше.

— Она всё ещё человек. И она в сознании, — подала голос Чэнь Лицзя вместо проректора.

Она держалась за самое предплечье, поэтому взлетела выше всех остальных.

— Всё, пальцы не держат... — простонал У Тунсюй. Руки его сорвались, и он мешком рухнул в грязь.

Охнув от боли при ударе, парень остался лежать на земле, отказавшись от дальнейших попыток.

Сунь Юаньнин зло сплюнул в его сторону, бросил бесполезный канат и приготовился прыгнуть, чтобы перехватить ветку.

Но без мужской силы ветви Дин И стали удлиняться ещё стремительнее, уносясь к хмурым облакам.

Её конечности раздувались, превращаясь в толстые, покрытые грубой корой сучья. Пальцы ребят больше не могли обхватить их — один за другим они срывались и летели вниз.

К счастью, лесная подстилка из мокрого мха и грязи смягчила падение. Даже Чэнь Лицзя, рухнувшая с двухметровой высоты, отделалась лишь лёгким испугом и парой ушибов.

Стоило последнему человеку разжать руки, как лицо Дин И окончательно потемнело. Под кожей проступил отчётливый, уродливый рельеф древесной коры.

Всего за несколько минут человеческий силуэт стёрся без следа. Перед ними стояло нелепое, жуткое изваяние — дерево в яркой штормовке.

Кровавый дождь продолжал нещадно барабанить по их спинам и плечам. Ребята застыли в оцепенении, бессильные вернуть к жизни ту, что только что была их спутницей.

Цзоу Пэй прильнула к шершавому новоиспечённому стволу, содрогаясь от рыданий:

— Дин И... За что это тебе?.. Почему ты?..

Закидывая за спину рюкзак, Чи Юньян случайно бросил взгляд на И Яньле и вздрогнул: на спине его куртки красовалось огромное прожжённое пятно, источенное едкой жидкостью.

Теперь мозаика сложилась. Дин И обратилась в дерево лишь потому, что на неё попала заражённая кровь Цзинь Мина, отравленного кровавым дождем.

Они едва успели углубиться в этот проклятый Лес самоубийц, сделали всего несколько шагов — и уже потеряли двоих. Кошмары сыпались один за другим.

При таком раскладе выбраться отсюда живыми казалось задачей невыполнимой.

— Кажется, стихает, — с робкой надеждой прошептала Се Юньцин, когда они прошли ещё несколько сотен метров.

Действительно, багровый поток постепенно сошёл на нет и вскоре прекратился вовсе. Однако радоваться было рано — тяжёлые свинцовые тучи по-прежнему плотным саваном укутывали небо, не оставляя солнцу ни единого шанса пробиться наружу.

— Гляньте, здесь деревья растут как-то странно, — подал голос У Тунсюй.

Он оглянулся назад, на хаотичные, дикие заросли, через которые они только что с трудом продирались.

Всего в паре шагов впереди стволы выстраивались в безупречные, ровные ряды, образуя между собой подобие двухметровой просеки.

Ребята нерешительно ступили на эту тропу. Земля под ногами здесь оказалась на удивление сухой и утоптанной, словно камень.

Чи Юньян наконец-то мог идти не спотыкаясь, но тревога в его груди только нарастала.

Дождь прекратился, но какой ценой? Первое же испытание нанесло им сокрушительный удар. Количественное преимущество не дало ровным счётом ничего. Зачем тогда правила экзамена требовали строгого разделения на группы по десять человек? В чём крылся подвох?

— Ну и холодища... Скоро стемнеет, — Сунь Юаньнин поглубже вжал голову в плечи. Налипшая на одежду влага грозила превратиться в ледяную корку.

— Темнеет слишком быстро, — Чи Юньян запрокинул голову. Нависающие тучи окончательно поглотили остатки дневного света, не пропуская даже блёклого отсвета луны.

— В мокрой одежде мы долго не протянем, — рассудила Се Юньцин. — Нужно срочно искать место для стоянки, разводить костёр и ставить палатки.

Цзоу Пэй, не отходявшая от неё ни на шаг, судорожно закивала в знак согласия.

Температура в лесу упала разом градусов на пятнадцать по сравнению с тем моментом, когда они только пересекли его невидимую границу.

— Становимся здесь, — скомандовала Се Юньцин. — Впотьмах идти — самоубийство. Двое разводят костёр, остальные занимаются лагерем.

Вскоре во мрак ночного леса ворвались первые робкие языки пламени. Живительное тепло подарило измученным путникам долгожданное облегчение.

Сгрудившись у огня, ребята грели онемевшие пальцы, готовые залезть прямо в угли.

Чи Юньян молча жевал сухой, безвкусный сухпаёк. Быстро покончив с нехитрым ужином, он сделал несколько жадных глотков из фляги и устался на пляшущие искры. Хаос в мыслях немного улегся.

И Яньле сидел бок о бок с ним. Свой галет он едва надкусил.

— Не наелся? — негромко спросил он Чи Юньяна.

Чи Юньян приподнял голову. От жара костра его щеки окрасились здоровым румянцем.

— Да нормально.

— Держи, я больше не хочу, — И Яньле протянул ему нетронутую часть галеты.

Чи Юньян с улыбкой покачал головой:

— Ешь давай. С таким рационом ты до утра от голода взвоешь.

И Яньле бесцеремонно впихнул остаток пайка ему в руку:

— Терпеть не могу эту гадость.

Чи Юньян аккуратно завернул галету обратно в обертку и спрятал в карман куртки:

— Ладно, приберегу. Проголодаешься ночью — заберёшь.

И Яньле невольно усмехнулся. Этот мальчишка бывал порой невыносимо, трогательно заботлив. Сам голодный, а беспокоится о чужом желудке.

Слово за слово, завязался неторопливый разговор. Размякший от тепла Чи Юньян сладко зевнул и прищурился:

— Яньле, а ты ведь на воле, небось, из богатеньких был? Ну, из этих, благородных господ.

И Яньле удивленно вскинул бровь:

— С чего такие выводы?

— Интуиция, — хмыкнул Чи Юньян, склонив голову набок. — Ну так что, угадал?

— Считай, что угадал, — в светло-карих глазах И Яньле отразились отсветы пламени, и в этот миг он казался удивительно мягким, растерявшим всю свою обычную колючесть.

— Так, народ, перед тем как лечь спать, нужно решить, что делать завтра, — прервал их идиллию Сунь Юаньнин, когда с ужином было покончено.

— Полностью согласна, — помрачнела Се Юньцин. — Мы только вошли в этот лес, а уже огребли по полной. С завтрашнего дня бдительность терять нельзя вообще.

Чи Юньян молча кивнул, соглашаясь. Незнание завтрашнего дня давила на плечи тяжёлым грузом.

— Плутать вслепую больше нельзя, — продолжала Се Юньцин. — Наша главная задача — найти выход.

Чи Юньян устало взъерошил слипшиеся от багрового дождя волосы на висках:

— С утра выберем дерево повыше, осмотримся с верхушки.

— Думаю, этот проклятый лес ещё не все свои козыри выложил, — тихо пробормотала Цзоу Пэй, прижавшись ближе к Чэнь Лицзя. Она выглядела крайне отчаявшейся, а глаза её опухли от слёз.

— Естественно, — холодно отозвалась Чэнь Лицзя. — Это были лишь цветочки.

Её слова окончательно похоронили остатки оптимизма. Над лагерем повисла гнетущая тишина.

— Место — полная чертовщина, — подал голос У Тунсуй. — Ладно деревья-людоеды, но вы заметили? Здесь ни одной букашки нет. Вообще никакой живности.

И ведь он был прав. Любая чаща должна кишеть жизнью, но этот Лес самоубийц хранил гробовое молчание. Здесь не водились ни птицы, ни звери, ни даже простейшие насекомые — лишь бесконечный, безмолвный океан мёртвых стволов.

— Ладно, гадать без толку. Ложимся спать. Будем надеяться, к утру тучи разойдутся. При свете дня ориентироваться куда проще.

Их осталось семеро. Наскоро распределив места в трёх уцелевших палатках — девушки заняли большую, а четверо парней разделились по двое в маленьких, — они начали укладываться.

Забравшись в тесную палатку, Чи Юньян застегнул молнию и с головой укутался в спальник, оставив снаружи только нос и глаза.

И Яньле лечь не торопился. Он сидел рядом, задумчиво глядя перед собой.

Чи Юньян завозился, подползая поближе, и тихонько спросил:

— Ты чего не спишь? О чём думаешь?

И Яньле повернулся к нему. В полумраке палатки ярко поблескивал только любопытный взгляд юноши.

— Скоро начнётся.

— Что начнётся? — не понял Чи Юньян.

И Яньле мягко ткнул его пальцем в лоб, заставляя опустить голову обратно на импровизированную подушку.

— Спи давай. И что бы ни случилось, до рассвета наружу не высывайся.

Навалившаяся усталость брала своё. Чи Юньян не стал допытываться, пробормотал сонное «спокойной ночи» и мгновенно провалился в небытие.

Ночной лес дышал замогильным безмолвием. Не было слышно даже дуновения ветра. Спустя пару часов Чи Юньян проснулся от пронизывающего до костей холода.

Он с трудом разлепил веки и на мгновение столкнулся взглядом с И Яньле, чей взгляд был стылым и мертвенно-холодным. Юноша испуганно моргнул, но наваждение исчезло.

И Яньле мирно спал рядом, мерно и тихо дыша во сне.

Почувствовав зов природы, Чи Юньян с трудом выпутался из спальника, выполз из палатки и отошёл в густую тень деревьев.

Закончив свои дела, он уже собирался повернуть обратно, как вдруг он уловил странный, нарастающий гул.

Это были шаги. Слитный, тяжёлый топот сотен, если не тысяч ног.

Где-то в глубине чащи заплясали отсветы бесчисленных факелов, и на искривлённые стволы деревьев легли длинные, зловещие человеческие тени...

<http://bllate.org/book/18234/1752054>